

УДК 070

**СМЫСЛОВОЙ ДИСКУРС КОГНИТИВНЫХ ВОЙН:
ОТ СОЦИАЛЬНОЙ ОСЦИЛЛЯЦИИ К ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ РАЗНОСТЯМ
(НА ПРИМЕРЕ МЕДИАОСВЕЩЕНИЯ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА)**

© 2023 *К.М. Христенко*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье рассматриваются ключевые концепты внедрения и функционирования когнитивных войн. Определены цели и задачи когнитивных механизмов воздействия. Выявлены различия когнитивной войны и пропаганды, информационной войны. Обозначен понятийный аппарат социальной осцилляции и эмоциональных разностей как ключевых концептов когнитивной войны. Проанализированы ключевые информационные блоки когнитивного воздействия в условиях украинского конфликта. Охарактеризованы 4 медиаизмерения как ведущих факторов эффективности воздействия когнитивных механизмов. Описан алгоритм воздействия когнитивных войн на общество. Проанализированы украинские информационные тезисы как когнитивные установки. Описаны алгоритмы эмоционального воздействия информации как ключевой особенности когнитивной войны. Анализируется события украинского конфликта с момента его начала в 2014 года и до настоящего момента начала СВО (специальная Вооружённых сил России на территории Украины, начавшаяся 24 февраля 2022 года).

Ключевые слова: когнитивная война, социальная осцилляция, эмоциональные разности, украинский конфликт, медиаизмерения.

8 октября 2021 года западный интеллектуальный ресурс Grauzone опубликовал статью Бена Нортон «За когнитивной войной НАТО: битва за мозг, которую ведут западные военные». «Возглавляемый США военный картель НАТО, – пишет он, – опробовал новые методы гибридной войны против своих самопровозглашённых противников, включая экономическую войну, кибервойну, информационную войну и психологическую войну. Теперь НАТО разрабатывает совершенно новый вид боевых действий, который оно назвало когнитивной войной. Описанный как "милитаризация наук о мозге", новый метод включает в себя "взлом личности" путём использования "уязвимостей человеческого мозга"» [3].

Провозглашённая цель НАТО, указывает Нортон, «битва за ваш мозг», стремление «сделать каждого оружием». До недавнего времени НАТО разделяло войну на пять различных оперативных областей: воздушную, наземную, морскую, космическую и кибернетическую. Но с развитием стратегий новой – когнитивной войны – военный альянс обсуждает новый, шестой уровень её ведения – «человеческую область».

Нортон ссылается на спонсированное НАТО исследование 2020 года, в котором говорится: «В то время как действия, предпринимаемые в пяти областях, выполняются для того, чтобы оказать влияние на человека, цель когнитивной войны состоит в том, чтобы сделать каждого оружием». «Мозг станет полем битвы XXI века», а людей необходимо подчинить и использовать в своих интересах [3].

Советник министра обороны России Андрей Ильницкий предупреждает, что именно при помощи «ментальной войны» (или «когнитивной») Запад рассчитывает победить Россию [3].

Действительно, если ранее, в классической войне, требовалось разгромить Вооружённые Силы противника и захватить его территорию, то теперь это вовсе не обязательно. Поскольку можно разрушить государство и уничтожить страну, поменяв

самосознание, мировоззрение, цели, ценности и приоритеты общества. Причём это бесповоротно, поскольку, если ВС и инфраструктуру можно восстановить, то эволюцию мировоззрения повернуть вспять невозможно. Что уже и произошло на наших глазах на Украине.

Подведем итог под тем, что написано выше: главная цель когнитивной войны – сделать оружием каждого человека. Чтобы людей можно было подчинить и использовать в своих интересах, их надо сначала «ментально заразить чуждыми смыслами».

Современные войны ведутся сразу в нескольких «пространствах», сопровождаясь поддержкой политических протестов, экономическим принуждением, активной дезинформацией. Поэтому современные войны и называются «гибридными».

В информационной сфере когнитивные войны – продолжение гибридных войн, комбинирующих обычные вооружённые действия с экономическим и информационным воздействием на противника, объектом которого становится всё население, а не только вооружённые силы вовлечённых стран [1, с. 42].

Когнитивная война – война идеологий. В ней противники стремятся подорвать доверие, что лежит в основе любого общества. Они должны вклиниваться в способ мысли человека, встраиваться в цепочку его размышлений. Потенциально это может привести к разрушению всего общественного договора. Зачастую люди руководствуются чувствами и верят тому, что увидят или прочтут, но технологии информационных войн, поисковые запросы, а также использование фейков и цифровых личностей в соцсетях создают иллюзию массовости того или иного мнения, что заставляет большинство сомневаться в своих суждениях [6, с. 94].

Информационная война хоть и тесно связана с когнитивной, но всё равно является несколько иным видом деятельности. Промежуточной задачей когнитивной войны является захват повестки, а именно контроль потока информации. Кроме того, целью выступает каждый человек, использующий информационные технологии в быту.

Боевые действия приняли формат специальных операций. Они проводятся не только на земле с применением военной техники, но и в кибернетическом, а также информационном пространствах, которые стали базисом для когнитивных войн. Когнитивная война – это война за разум. Пропаганда, дезинформация, подтасовка фактов, недосказанности и прочее, что мы так часто видим сегодня от современных западных средств массовой информации, – всё это часть данной войны.

Таким образом, мы говорим о том, что когнитивная война противостоит способности производить и знать, она активно препятствует знанию. Это война идеологий, которая стремится подорвать доверие, лежащее в основе любого общества, нации. Из-за скорости и распространенности технологий и информации человеческий разум больше не способен обрабатывать поток информации.

Возникает вопрос, чем когнитивная война отличается от пропаганды? Как уже говорилось выше, пропаганда – это часть когнитивной войны. Главное отличие заключается в том, что в подобной войне участвует каждый непреднамеренно. Каждый из нас является не только потребителем, но и переносчиком и распространителем информации. Поэтому в XXI веке важен не только традиционный односторонний сигнал традиционных СМИ (телевидение, радио, газеты, информагентства), но и двусторонний, который предполагает обратную связь либо хотя бы ее имитацию [1, с. 45–48].

Возможность оставить комментарий, выразить эмоцию, переслать, репостнуть, процитировать – такое восприятие информации требует хотя бы минимального действия. В когнитивной войне важно, что это содействие.

На этом социальном желании содействия и построен феномен СМК (средств массовой коммуникации), кардинально отличающихся от СМИ. Так появляются блогеры и иные сетевые лидеры общественного мнения, которые не столько информируют аудиторию, сколько настраивают ее на свою волну: развлекают, объясняют, разговаривают. Открывая возможности СМК, пользователь одновременно сам открывается для манипуляций [6, с. 87–91].

Принципы когнитивной войны основаны на том, что человеческий мозг настолько перегружен информацией, что не способен отличить ложь от истины. Это заставляет медиа-потребителя ориентироваться не на информацию, а на эмоции, связанные с ее получением. Иными словами, учителю нравится слушать политические новости как школьный урок, а футбольный болельщик хотел бы видеть в политике матч. В итоге современный человек становится зависим от мнения ЛОМов, которым доверяет. Доказательно это прослеживается на примере украино-российского конфликта, в котором украинское общество становится активным участником политических событий посредством распространения гневных комментариев и антироссийских лозунгов, поскольку нацелено не на получение информации, а тех самых негативных эмоций, которые формируют соответствующую идеологическую ментальность. Таким образом, долговременное нахождение в таком информационном пространстве вводит человека в состояние «взрослого подростка» – эмоционально неуравновешенной личности, склонной к истерикам, категоричным суждениям и выяснению отношений. Задача когнитивной войны – вводить в состояние «взрослого подростка» и поддерживать в нем все новых и новых граждан. Как только в обществе созреет критическая масса «взрослых подростков», оно будет открыто для массовых паник. Если говорить на примере украино-российского конфликта, то подобное общество будет готово к появлению новых «майданов» и «оранжевых революций».

Концепция когнитивной войны предполагает, что она ведется на постоянной основе и до тех пор, пока не будет подорвана обороноспособность противника с помощью раскола между обществом и государством. Ее конечная цель – провоцирование гражданской войны, когда противник сам себя уничтожает. В украино-российском конфликте раскол между государствами в социокультурном, идеологическом аспекте произошел гораздо ранее начала СВО (здесь и далее: спецоперация Вооружённых сил России на территории Украины, начавшаяся 24 февраля 2022 года). Поскольку когнитивные механизмы в украинском обществе начали работать с момента распада СССР в 1991 году. Главная технология запущенного механизма заключалась в погружении общества в состояние, в котором оно не способно принимать рациональные решения, а руководствуется общим эмоциональным фоном. Таким обществом легко манипулировать. Можно вызвать панику, радость, страх – базовые эмоции. Как это происходит? Эффект достигается посредством манипуляций с базовыми потребностями. Лучшее доказательство – мировые демократические СМИ, превращенные в литую информационную стену, закрывшую реальную Россию от остального мира. Любая попытка сомнения в официальной западной версии по поводу природы или сути украинского вопроса немедленно блокируется. Ведущие мировые социальные медиа, под полным контролем Запада, как о риске заражения вирусом гриппа предупреждают, что "источник информации связан

с российским правительством". Информационные фейки – от событий в Буче до почти ежедневных свидетельств о "зверствах орков" – такой же продукт централизованного контроля над общественным мнением. В результате, чтобы даже не просто отличить правду от лжи, а хотя бы отсеять откровенные фейки, нам необходима специальная психологическая, историческая и культурная подготовка, то чего сегодня большинство граждан планеты лишено.

На самом деле когнитивные войны – это помещение каждого человека в ту самую матрицу, только информационную. За счет чего это работает? За счет иллюзии информационной реальности. Практически у каждого современного человека есть вторая идентичность – информационно-социальная. В 90 % случаев она привязана к смартфону, где хранятся и персональные данные, и деньги, и переписка с друзьями, сведения личного характера.

Современный человек живет в нескольких медиаизмерениях, откуда черпает и одновременно распространяет информацию. Их можно обозначить в 4 векторах: родственно-близкие связи, коллектив, СМИ и новые медиа. Почему мы разграничиваем последние два группа, а не объединяем их в один? Ответ заключается в том, что новые медиа отличаются специфическими особенностями: ориентированы на лидеров общественного мнения в потреблении медиа-контента, склонность к упрощению потока информации, а также отсутствие аналитики, иными словами, неспособность к экспертизе. Далее возникает вопрос каким образом человек делает выводы о том, что происходит в мире? По следующему принципу: что ему сообщают медиа, о чем пишут в соцсетях и что он слышит от своего общения. Даже у самого общительного человека круг общения сводится к сотне человек. Если говорить о социальных медиа, то контента более сотни новостных лент также не потребить – это невозможно физически. К примеру, круг общения среднестатистического человека – приблизительно 20–30 человек, круг семьи – 3–7 человек, а самое массовое увлечение, как правило, редко охватывает больше дюжины людей. Таким образом, суммарно, в физической реальности в среднем 30–50 человек, с которыми мы можем обсудить важные новости и мнение которого является для нас авторитетным, соответственно, способно оказать на нас влияние. Следовательно, когда одинаковый когнитивный удар обрушивается на человека одновременно во всех четырех медиаизмерениях, сбивается его мышление. Информация начинает восприниматься с без рационального и логического мышления. И происходит самое главное – человек поддается эмоциональным порывам.

Рассмотрим на примере угрозы применения оружия с начала СВО. В украинских новостях регулярно появлялись медиасообщения с содержанием, что Владимир Путин в любой момент нажмёт на кнопку и всех накроет ядерная война. К августу 2022 года тема сдвинулась больше в сторону ситуации с Запорожской АЭС – постоянные обстрелы, обвинения обеих сторон. Уже звучали заголовки, что ЗАЭС – это новые Фукусима и Чернобыль. После приезда и последующего отчёта МАГАТЭ тема ЗАЭС утратила свой эмоциональный натиск. 21 сентября 2022 года во время выступления по случаю объявления мобилизации Владимир Путин произнёс: «Те, кто шантажирует нас ядерным оружием, должны знать, что роза ветров может развернуться и в их сторону» – это послужило новым витком для нанесения когнитивного удара. Обсуждения «ядерного шантажа» в западных и прозападных изданиях множатся, в особенности, какие последствия ждут Путина и Россию в случае нажатия красной кнопки. Примечательно, что в первые дни после этого выступления проукраинская сторона говорила, что ударов со стороны России не будет, Путин блефует, и приводила доводы: Путин говорил, что войны не будет, а она началась, Путин говорил, что мобилизации

не будет, а она объявлена, теперь Путин говорит прямым текстом, что нанесут ядерные удары: «Что касается опасений по поводу применения ядерного оружия для защиты “...вновь приобретённых территорий РФ”. Если ты собираешься массово применять ядерное оружие, тебе не нужна мобилизация», – заявил Алексей Арестович, украинский политический деятель и внештатный советник Офиса президента Украины с 1 декабря 2020 по 17 января 2023 года.

Далее происходит следующее. Определенного человека на его работе все спросили: «Слышал, Путин сказал, что все идет к ядерной войне?». Затем «путинским ядерным ударом» заинтересовался партнер в разговоре по телефону, а после об этой теме напомнили массовые медасообщения в Telegram-мессенджере. В вечерних пробках прослушивается по радио заявление какого-то ЛОМа – например, модного политолога, который доказывал, что Украину неизбежно ждет «путинский ядерный удар». За семейным ужином разговор также касается этой темы. Добавляем к этому вечерний звонок с кем-то из родственного круга, допустим, с отцом этого человека, который посмотрел вечерний выпуск новостей с ссылками на «экспертное» мнение Алексея Арестовича. Когнитивный удар произошел через все возможные коммуникационные каналы современного человека. По большому счету, мы имеем дело с банальной паникой. Однако, в цифровом веке мозг человека сильно изменился. Вернее, не сам мозг, а его способность отделять истину от лжи. Мышление не справляется с обработкой информации и отключает рациональное восприятие. Запускается эмоциональное восприятие информации по совершенно иным критериям: человек ориентируется на то, какую эмоцию приносит ему та или иная информация. Критерий подлинности информации подменяется иными критериями. Например, если во всех четырех медиаизмерениях наносится один и тот же когнитивный удар, человек начинает осциллировать. Эта осцилляция – желание распространять информацию, переубеждать и поучать всех вокруг. Человеку некомфортно под когнитивными ударами, и он хочет, чтобы как можно больше людей испытали его состояние. Это странное состояние, которое часто описывают участники «майданов», – желание прыгать от радости с незнакомыми людьми, а затем всем подряд пересказывать ободряющую новость, которая уже завтра окажется слухом.

Обозначим более точное определение осцилляций. Социальные осцилляции – состояние общества, в котором количество жертв когнитивной войны достигает критической отметки и начинает влиять на все общество.

Итак, человек начинает осциллировать, действуя хаотически, высказывая банальщину или откровенную ересь, и постоянно со всеми спорит, желая затянуть в свое коммуникационное поле. Он хочет поделиться своим состоянием. Когда в обществе одновременно вибрирует значительная часть сограждан, это влияет на все социальные группы. Начинаются социальные вибрации, влияющие уже практически на всех. Как только в офисе появляется истерик, он даже в одиночку может задавать тон. А когда в офисе 20–30 % сотрудников – жертвы когнитивных войн, рано или поздно они заразят истерикой весь коллектив. Именно так происходило в Киеве в 2004 и 2014 годах.

В социальных осцилляциях происходят эмоциональные разности. Это крайняя эмоциональная радость от любой, даже незначительной новости. В контексте украинского конфликта мы можем проследить данный механизм в когнитивных метафорах «зрада» (предательство) и «перемога» (победа), привнесенных в российский политический язык. Чаще всего «перемога» существует в виде обещания, заявления, прогноза, предположения или слуха. Ее цель – приносить эмоциональное

удовлетворение от ожидания грядущих побед. «Зрада» – это состояние, в котором оказывается общество, встречаясь с реальностью, контрастно отличающейся от виртуальных «перемог». Состояние «зрады» не бывает абсолютным, постоянным, потому что сменяется желанием новых «перемог». Реальность быстро забывается, и человек снова концентрируется на желанных «перемогах».

Рассмотрим механизм эмоциональных разностей украинского конфликта на примере контрнаступления ВСУ (Вооружённые силы Украины) на Харьковском направлении и сдачи Лимана. 6 сентября 2021 года появились упоминания о наступлении ВСУ. Одна из главных тем сентября в медиаповестке мировых, российских и украинских СМИ. Успехи ВСУ в контрнаступлении посеяли панику, поиск виноватых и те самые «зрады» среди российского населения. События с Лиманом разворачивались параллельно. «Лиман и ближайшие населённые пункты “вышли из состава Российской Федерации“. Не пробыв там 24 часа», – Алексей Арестович. Тема жила активно с 6 по 17 сентября 2021 года. Тема Лимана – с 10 сентября по 3 октября 2021 года. В этот период, в зависимости от того, как происходили события на фронте, общество оказывалось в активной фазе эмоциональных разностей. Слухи и прогнозы приносили эмоциональные удовлетворения от грядущих «перемог».

Таким образом, пребывая в состоянии эмоциональных разностей человек начинает кардинально разные психологические эмоции. Мысли бегают: «Всё, наши уже наступают», «Почему не наступают?» Человек начинает истерично перебирать каналы в мессенджерах, смотрит одни и те же видео, читает одни и те же новости, в поисках той, которая доставит ему эмоциональный подъем, ту самую разность. Нужно больше контента, более зрелищной картинке, более провокационного видео. Человек становится наркоманом, только эмоциональным, где наркотик – это информация. Требуется все более и более сильная эмоция, просто видео с погибшими уже не цепляют.

Еще одна ключевая отличительная особенность когнитивной войны, которая отличает ее от информационной войны и пропаганды. В случае с ними, воздействие несет массовый характер. Когнитивная война индивидуализирована. Эмоциональные разности дают возможность испытать удовольствие от осмысленности жизни. Такое эмоциональное воздействие производит неизгладимое впечатление на людей-социофобов, тех, у кого наблюдается нехватка общения или страдающих от одиночества. Как следствие, каждый считает нужным быть причастным к новому посту и написать свой «экспертный» негативный комментарий, прийти на площадь и стать участником очередного митинга, отправить только что снятое видео с места прилета ракеты в Telegram-канале.

Какие характеристики описывают суть когнитивной войны?

Во-первых, это мягкая война, в ней нет людских жертв, так как полем боя является разум человека.

Во-вторых, она является практически невидимой, а когда появляются результаты, то уже изменить практически ничего нельзя.

В-третьих, это война за интеллект и с интеллект, в связи с чем, перед ней открываются любые методы и способы воздействия на разум человека.

Как именно действует когнитивная война на общество? Сконструируем цепочку развития от низшего уровня к высшему: провоцирует слухи и панику – провоцирует конфликт с государством – создает новые идентичности и размывает традиционные – повышает уровень агрессии.

Таким примером служит современная Украина, где с помощью активного участия западных «демократов» получилось внедрить новую систему образования, которая основывается на полном изменении гуманитарных наук. Так, в учебнике по истории 7-го класса средней школы, одобренным министерством образования Украины, черным по белому написано: «Древнейший период в истории украинского народа – древний – длился свыше 140 тыс. лет». В трудах канадского историка Ореста Субтельного «Украина. История», который предназначен для гуманитарных ВУЗов страны, написано, что Иван Мазепа выдающаяся личность, а бандиты из ОУН-УПА являются борцами за независимость. Только вот о близости Бандеры, Шухевича и в целом ОУН-УПА к СС и Абверу в учебнике ничего не сказано. На таких учебниках выросло несколько поколений, которые просто не знают факты мировой и отечественной истории. Украинское молодое поколение воспитывается на националистическом абсурде. Вследствие чего, в сознание людей вбиваются русофобские идеи, которые со временем превращаются в неонацизм. Ради выстраивания собственной исторической концепции украинские историки пошли на прямую ложь и искажение множественных фактов.

К этому же стоит добавить и действующий сегодня украинский конфликт. С началом СВО в условиях быстрого и победоносного продвижения союзных сил вглубь территории Украины от сил информационных операций требовалась только базовая комплектующая информационных войн - постоянно поддерживать боевой дух наступающих вооружённых сил вбросами лозунгов, патриотической риторики, достаточной для эмоционального поднятия духа бойцов и командиров. Планировалось, что в этих условиях для настоящих информационных операций (специальных разведывательных операций на каналах ОТКС - оперативных комбинаций и игр специальных служб), подготовка к которым может занимать от 6 месяцев до полутора лет, времени просто не останется. Значит, необходимости в них нет [6]. Что касается украинской стороны, она в целом оказалась готова к информационным мероприятиям союзных сил, имея на начало СВО грамотно выстроенную американскими специалистами систему центров психологических операций, укомплектованных национальными кадрами, прошедшими подготовку в разведцентрах США, с руководством, напрямую подчиняющимся американским разведывательным службам (ЦРУ, РУМО) и британской МИ-6. При этом сами центры оказались напрямую интегрированы в разведывательную сеть США - в статусе региональных командований, получая приказы непосредственно из разведцентров и имея прямой доступ (с известными ограничениями, разумеется) к разведывательной информации, добываемой АНБ, ЦРУ, РУМО и другими разведками США [6]. В результате, когда началась СВО, российская сторона столкнулась не с «колониальными войсками», обученными американскими инструкторами «европейской тактике» ведения информационной войны, а с самими разведками США, Великобритании и др., действующими «под чужим флагом» и делающими свою работу руками украинских националистов. В этих условиях западные разведки сохранили способность организовывать масштабные провокации и проводить на их основе оперативные комбинации (такие как инцидент в Буче), но первые 2-3 месяца они также были вынуждены переключить своих украинских пособников на решение задач боевого слаживания (чтобы те просто не разбежались), ограничив их боевое применение производством массовой пропаганды, простых и не менее примитивных фейков, дезинформации, идеологических диверсий [6].

Следовательно, упомянутая выше цепочка влияния когнитивной войны на общество выстраивалась не в период начала СВО и не с 2014 года, когда начался украинский конфликт. Когнитивные механизмы начали свое влияние гораздо ранее, когда уже заработали стратегические информационные операции – оперативные комбинации, способные дать стратегический эффект в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Прежде, в период «после Крыма» (с 2016 по 2021 гг.), этот вид операций был доминирующим: к ним относятся и «дело Скрипалей», и «Допинговый скандал с WADA», и «дело об аргентинском кокаине», и «захват группы т. н. вагнеровцев в Беларуси в 2020 г.», и даже т. н. дело «об отравлении Навального» [6]. С началом СВО к их числу добавились новые операции, развернувшиеся вокруг инцидента в Буче, и на несколько инцидентов, которые, возможно, тоже рассматриваются Западом как «крючки» для новых оперативных комбинаций:

- «обстрел российскими войсками Запорожской АЭС» (риск ядерной катастрофы), «Россия - спонсор международного терроризма»,
- «ракетный удар по торговому центру в Кременчуге»,
- «применение Россией химического оружия на Донбассе» и т. д.

Цель таких операций – выдвигание обвинений в адрес руководства страны-противника в совершении военных или иных преступлений (как правило, против человечности), терроризме, геноциде.

Главная цель когнитивной войны – подорвать доверие между обществом и государством. Государство не сможет эффективно и стратегически функционировать, если у него в тылу будет раскол.

Мы становимся свидетелями и участниками когнитивных войн и наблюдаем, что победа в политическом конфликте современного мира невозможна только с применением вооружённых сил. Когнитивные механизмы украинского конфликта преследуют цель привести к смене политического режима в Российской Федерации или максимально ослабить его, снивелировать ее экономический, военный, культурный потенциал, добиться раскола в обществе и сформировать недоверие к власти. Полномасштабная война энерго- и финансово дорогостоящее мероприятие чего не скажешь об информационных способах воздействия когнитивных войн, довольно эффективная и не требующая от агрессора жертв. Повсеместное распространение цифровых технологий позволяет когнитивной войне проникнуть в каждый дом любой страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.П. Цифровизация и когнитивные войны / А.П. Алексеев, И.Ю. Алексеева // Философия и общество. – 2021. – № 4. – С. 39–51.
2. Войскунский А.Е. Информационная безопасность: психологические аспекты / А.Е. Войскунский // Национальный психологический журнал. – 2021. – № 1. – С. 48–53.
3. Как НАТО против России когнитивную войну развязало. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news-front.su/2023/08/22/kak-nato-protiv-rossii-kognitivnuju-voynu-razvjazalo/> (дата обращения: 25.08.2023).
4. Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность: Ч. II / А.В. Манойло // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2021. – № 2. – Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 31.07.2022).
4. Манойло А.В. Информационные диверсии в конфликте на Украине / А.В. Манойло // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2022. – № 4. – Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 31.07.2022).

6. Медушевский А.Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 1 / А.Н. Медушевский // Вопросы теоретической экономики. – № 2. – 2023. – С. 85–98.

Поступила в редакцию 08.06.2023 г.

**SEMANTIC DISCOURSE OF COGNITIVE WARS:
FROM SOCIAL OSCILLATION TO EMOTIONAL DIFFERENCES
(ON THE EXAMPLE OF MEDIA COVERAGE OF THE UKRAINIAN CONFLICT)**

K.M. Khristenko

The article deals with the key concepts of cognitive wars implementing and functioning. The goals and objectives of the cognitive mechanisms of influence are determined. The differences between cognitive warfare, propaganda, and information warfare are revealed. The conceptual apparatus of social oscillation and emotional differences as key concepts of cognitive warfare is outlined. The key information blocks of cognitive influence in the conditions of the Ukrainian conflict are analyzed. Four media dimensions are characterized as the leading factors in the effectiveness of cognitive mechanisms impact. The algorithm of cognitive wars impact on society is described. Ukrainian information messages are analyzed as cognitive guidelines. Algorithms for the emotional impact of information are described as the key feature of cognitive warfare. The events of the Ukrainian conflict are analyzed from its very beginning in 2014 till the beginning of the SMO (special military operation of the Russian Armed Forces on the territory of Ukraine, which began on February 24, 2022).

Key words: cognitive war, social oscillation, emotional differences, Ukrainian conflict, media measurements.

Христенко Карина Михайловна.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

Старший преподаватель кафедры журналистики.

E-mail: k.lomidze@donnu.ru

Khristenko Karina Mikhailovna.

Donetsk State University.

Senior Lecturer at Department of Journalism.

E-mail: k.lomidze@donnu.ru